

УДК 159.96

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ СИТУАЦИИ НА ПРОЯВЛЕНИЕ НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ

Е.Н. Волкова (Нижний Новгород)

Л.В. Скитневская (Нижний Новгород)

Аннотация

Проблема и цель. В статье исследуется взаимосвязь между благополучием семьи и различными формами насилия над ребенком в школе (психологического, физического, сексуального). В исследовании участвовали 227 подростков (131 девочка, 96 мальчиков) в возрасте от 11 до 18 лет. Хотя в массовом сознании благополучие обычно связывают с наличием у ребенка обоих родителей, данные ставят это утверждение под сомнение. Большую роль играет семейная обстановка: наличие у членов семьи алкогольной или наркозависимости, крики, драки, угрозы. *Цель* статьи – предоставление результатов эмпирического исследования, позволяющих выделить взаимосвязь между семейной обстановкой и уровнем насилия, с которым ребенок сталкивается в школе.

Методы исследования. В рамках данного исследования был использован опросник ICAST-C (International child abuse screening tool – children version).

Результаты. Дети из неблагополучных семей в 2–6 раз чаще (в зависимости от вида и формы насилия) страдают от насилия в школе, чем дети из благополучных семей. Это может быть связано с тем, что дети переносят в школу закрепленные в семье модели поведения и социальные роли.

Заключение. По данным нашего исследования, до половины всех детей подвергаются насилию в школе и дома. Насилие в школе в целом в 2–3 раза более распространено среди детей из неблагополучных семей. Зачастую педагоги и родители рассматривают физические наказания как необходимое и эффективное средство контроля детского поведения. Не редки в школе и случаи психологического насилия, такие как оскорбления, распространение слухов, издевательства, крики. Можно выделить ряд факторов, провоцирующих школьное насилие: функционирование школы напрямую зависит от экономических, политических, социальных, культурных традиций и тенденций развития общества; наличие в школе авторитарно-директивного стиля управления; общий психоэмоциональный фон школы характеризуется высоким уровнем тревожности и учителей, и учеников.

Указанные причины, несомненно, вносят значительный вклад в проблему школьного насилия, при этом школьное насилие обусловлено особенностями семьи и семейных отношений ребенка. Модели насильственного поведения, несомненно, формируются в семье, а затем переносятся в школьную ситуацию, в отношения среди детей.

Ключевые слова: *насилие в школе, семейная обстановка, насилие и жестокое обращение с детьми.*

Волкова Елена Николаевна – доктор психологических наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; ORCID: 0000-0001-9667-4752; e-mail: envolkova@yandex.ru

Скитневская Лариса Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; ORCID: 0000-0002-9353-2430; e-mail: L.skitnevskaya@yandex.ru

Постановка проблемы. Насилие в школе, или школьное насилие (school violence), – это вид институционального насилия; это физическое, психическое, духовное социально организованное воздействие на ребенка, которое понижает его нравственный, психический (то есть моральный, коммуникативный) и жизнен-

ный статус (в том числе правовой, социальный), причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также угрозу такого воздействия.

Школьное насилие определяется следующими формами:

1) жесткий стиль общения учителя с учеником;

2) жестокие отношения между детьми в одно- и разновозрастных группах. Часто эта форма насилия описывается понятием «школьная травля», или буллинг;

3) современная информационная среда, которая не отвечает психовозрастным возможностям ребенка.

Наиболее часто предметом исследований психологов, педагогов, криминологов, врачей выступает буллинг, под которым понимают длительное насилие, систематические нападения и издевательства [Due, Holstein, Lynch, 2005]. Современные технологии позволили появиться и развиваться новым формам насилия, таким как кибербуллинг и его виды [Ybarra, Mitchell, Korchmaros, 2011; Valkenburg, Peter, 2011].

Многие исследователи связывают насилие в школе: с насилием в семье над взрослыми, детьми и домашними животными; отсутствием родительского внимания и контроля за ребенком; криминальным характером семьи; наличием семейных ссор и конфликтов; жестким стилем воспитания в семье; отсутствием эмоциональной поддержки в семье [Baldry, 2003; Baldry, Farrington, 1999; Barboza et al., 2009; Espelage, Rao, de la Rue, 2013; Espelage, Swearer, 2010; Ferguson, San Miguel, Hartley, 2009; Vaccini, Esposito, Affuso, 2009; Pepler et al., 2008]. Однако исследования, раскрывающие влияние семьи и семейной ситуации на рост школьного насилия, выполнены преимущественно зарубежными исследователями.

По данным государственных докладов «О положении детей в Российской Федерации», значительное число детей, ставших жертвами, свидетелями или субъектами насилия, – это дети школьного возраста. Изначально школа должна обеспечить безопасность детей, так как именно она является необходимым условием не только для их обучения и развития, но и для жизни в целом. Школа должна быть ключевым фактором предотвращения насилия. К сожалению, накопленный опыт показывает другое положение дел. Ребенок, находясь в школе, не застрахован от проявлений агрессии и насилия во время уроков или на переменах. Источниками школьного

насилия могут быть старшие дети по отношению к младшим, педагоги по отношению к учащимся. Природа насильственных действий со стороны взрослых и сверстников по отношению к ребенку остается до конца неизученной. Однако можно утверждать, что совершение насильственных действий детьми по отношению к другим детям связано с неблагополучием их жизненных условий в семье: как правило, в основе жестокого поведения детей и подростков лежит собственный травматический опыт.

В научной психолого-педагогической литературе отсутствует четкое определение понятия «семейное неблагополучие». Поэтому в разных источниках наряду с названным понятием можно встретить понятия «деструктивная семья», «дисфункциональная семья», «негармоничная семья», «семья, находящаяся в социально опасном положении», «асоциальная семья». При этом широкий диапазон публикаций по проблемам благополучия/неблагополучия и дисфункциональности семьи почти единогласно констатирует прямую зависимость неблагополучия семейной ситуации и деструктивности развития личности ребенка, растущего в такой семье [Торохтий, 1996; Буянов, 1988; Олиференко, 2008; Алмазов, 1986; Эйдемиллер, Юстицкис, 2008].

Фундамент общечеловеческих и культурных ценностей личности формируется в семье в процессе взаимодействия ребенка с родителями и другими членами семьи. Семье отводится решающая роль в определении направленности поведения ребенка, именно в ней в процессе межличностных отношений между супругами, родителями и детьми формируются самосознание ребенка, личностные особенности, закладываются основы норм и правила нравственности, ценностные ориентации.

В работах российского психолога А.В. Черникова семья рассматривается как целостная система [Черников, 2001]. По мнению Берталанфи, семья – это социальная система, комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом [Берталанфи, 1969].

В семье особые отношения связывают детей и родителей, бабушек, дедушек и внуков, детей между собой, родителей между собой, бабушек и дедушек. И даже домашние животные оказываются вовлеченными в круг семейных отношений. Все эти связи сложны и многообразны, и действуют они во всех направлениях. Однако мы специально фокусируем внимание на детях, чтобы понять, как система семейных отношений влияет на благополучие ребенка. Совокупность структурных характеристик семьи и отношений в семье, рассматриваемых в определенном временном интервале, мы будем называть семейной ситуацией [Дружинин, 2011; Бурлачук, Коржова, 1998; Карабанова, 2001].

Основная цель данной работы – изучение взаимосвязи между семейной обстановкой и уровнем насилия, с которым ребенок сталкивается в школе. Сначала для описания семейной обстановки мы обратим внимание на отдельные виды насилия, которые ребенок наблюдает, находясь в семье, и на основании этого выделим благополучные и неблагополучные семьи. Затем попытаемся установить, чаще ли дети из неблагополучных семей сталкиваются с насилием в школе. В исследовании приняли участие 227 детей (57 % девочек) от 11 до 18 лет.

Распределение респондентов по возрасту представлено на рисунке.

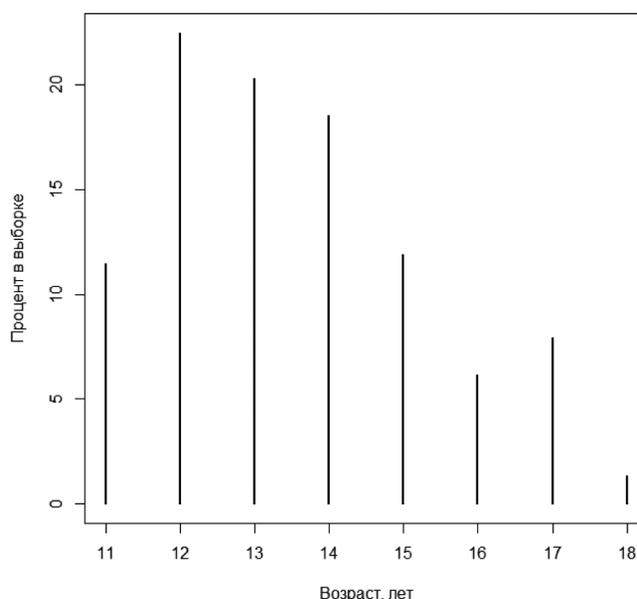

Рис. Распределение респондентов по возрасту

Fig. Distribution of respondents by age

Значимых различий по признаку пола во всех возрастных категориях нет. Из опрошенных респондентов 13 % не имеют родителей, 30 % живут в неполной семье, в подавляющем большинстве случаев только с матерью; 57 % респондентов живут в полной семье, и с матерью, и с отцом.

Для изучения взаимосвязи между благополучием семьи и различными формами насилия над ребенком в школе нами был использован опросник International child abuse screening tool – children version (ICAST-C) в адаптации Е.Н. Волковой. В опросник включены вопросы

об обстановке в семье, а также вопросы по эмоциональному, физическому, сексуальному насилию в школе и дома и пренебрежению нуждами ребенка. Для исследования ответы участников были сгруппированы по стандартным для данного опросника шкалам: насильственное окружение, эмоциональное насилие дома, физическое насилие дома, сексуальное насилие дома, пренебрежение нуждами ребенка, эмоциональное насилие в школе, физическое насилие в школе, сексуальное насилие в школе. Информация о том, кто выступал насильником (взрос-

лый или другой ребенок), и о частотности случая в данном исследовании не изучалась.

Если ответ участника на вопросы был «Нет», «Никогда», «Не уверен», то при исследовании предполагалось, что ребенок не сталкивался с данной разновидностью насилия, и его ответ кодировался как отрицательный. Во всех остальных случаях предполагалось, что ответ положительный. Затем указанные ответы суммировались по формам насилия, и при подсчете считалось, что такая форма насилия была у данного ребенка, если у него был хотя бы один положительный ответ в данной подшкале. Иными словами, если ребенка не кормят, но одежды и лекарств у него достаточно, то согласно вышеописанным правилам будет считаться, что он все равно сталкивался с пренебрежением физическими нуждами.

Анализ данных осуществлялся с использованием программы SPSS 22 (для подготовки базы данных для анализа) и R 3.1.0 для Windows (для статистического анализа). Основной статистический метод анализа данных – Хи-квадрат Пирсона с поправкой на непрерывность.

Исследование было одобрено этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета, зарегистрированного в международной системе Health and Human Services (HHS).

Результаты исследования

Показатели благополучия семейной обстановки. Опросник позволяет выделить показатели благополучия семьи по вопросам 1–7, однако из анализа были исключены вопросы 5 и 6, поскольку все респонденты ответили на них отрицательно. Результаты ответов на остальные вопросы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели благополучия семейной обстановки

Table 1

Indicators of well-being in the family environment

Показатели семейной обстановки	Частота встречаемости, абсолютное значение (%)	
	Да	Нет
Кто-либо принимал наркотики и алкоголь	55 (24,2 %)	172 (75,8 %)
Кто-либо кричал друг на друга	95 (41,8 %)	132 (58,2 %)
Кто-либо бил друг друга	41 (18 %)	186 (82 %)
Кто-либо дрался с применением оружия и ножей	16 (7 %)	221 (93 %)
Кто-либо воровал что-нибудь	20 (8,8 %)	207 (91,2 %)

Из табл. 1 видно, что достаточно часто дети живут в семье, где взрослые кричат друг на друга (41 %), почти четверть респондентов происходят из семей, где члены семьи злоупотребляют алкоголем или наркотиками. 110 из 227 детей (48,4 %) сталкивались хотя бы с одним из показателей семейной обстановки. Такие семьи мы решили называть неблагополучными для развития ребенка, выделяя при этом семьи, неблагополучные только с психологической точки зрения, в тех случаях, где взрослые кричат друг на друга, и криминально неблагополучные, где члены семьи совершают преступления.

Зачастую в России принято ассоциировать благополучие семьи с ее полнотой, т.е. наличием у ребенка обоих родителей. Чтобы проверить это предположение, обратимся к табл. 2.

Хотя тесты устанавливают значимость различий, заметно, что значительная разница существует скорее между отсутствием родителей, с одной стороны, и наличием хотя бы одного родителя – с другой. Иными словами, семейная обстановка в семьях без родителей значительно хуже как с психологической, так и с социальной точки зрения. Сравнение только двух групп семей – с одним родителем и с двумя – показывает, что между ними значимые различия существуют только в отношении криминального неблагополучия ($\chi^2=4,46$, $p=0,03$; больше распространено среди семей с одним родителем), тогда как в отношении психологического благополучия различий нет ($\chi^2=1,57$, $p=0,21$). Кроме того, нельзя утверждать, что полный состав семьи гарантирует благополучие, поскольку неблагополучными могут быть признаны больше трети

Таблица 2

Взаимосвязь между полнотой семьи и благополучностью

Table 2

The relationship between the completeness of a family and its well-being

	Нет родителей	Один родитель	Полная семья	χ^2
Всего семей	30	67	130	
Благополучные	5 (16 %)	32 (48 %)	80 (61.5 %)	
Неблагополучные	25 (84 %)	35 (52 %)	50 (38 %)	20,19*** ¹
Только психологически	23 (77 %)	29 (43 %)	43 (33 %)	19,11***
Только криминально	25 (84 %)	24 (36 %)	27 (21 %)	43,07***

¹ Уровень значимости р: . <0,1 ; * – <0,05; ** – <0,01; *** – <0,001.

полных семей (38 %). Таким образом, можно заключить, что отсутствие родителей является фактором неблагополучия, однако утверждать, что полная семья является признаком благополучия, можно только с большой осторожностью.

Взаимосвязь благополучия семьи и уровня насилия у ребенка в школе и дома. Распространенность видов и форм насилия у детей из неблагополучных и благополучных семей иллюстрирует табл. 3.

Таблица 3

Виды и формы насилия у детей из неблагополучных семей

Table 3

Types and forms of violence in children from disadvantaged families

Группирующий признак	Благополучные семьи 117 (100 %)	Неблагополучные семьи 110 (100 %)	χ^2
<i>Насилие в семье</i>			
Физическое	39 (33 %)	78 (71 %)	30,56*** ¹
Вред здоровью	37 (32 %)	75 (68 %)	28,87***
Дисциплина	11 (9 %)	40 (36 %)	22,14***
Психологическое	57 (49 %)	99 (90 %)	43,05***
Угрозы	40 (34 %)	82 (75 %)	35,54***
Унижения	44 (38 %)	83 (75 %)	31,43***
Сексуальное	3 (3 %)	18 (16 %)	11,27***
Контактное	2 (2 %)	7 (6 %)	2,12
Неконтактное	2 (2 %)	13 (12 %)	7,82***
Изнасилование	1 (1 %)	6 (5 %)	2,62
Пренебрежение, в том числе физическими потребностями	27 (23 %)	58 (53 %)	20,03**
Психологическое	4 (4 %)	16 (15 %)	7,40**
Психологическое	26 (22 %)	55 (50 %)	17,87***
<i>Насилие в школе</i>			
Физическое	28 (24 %)	58 (53 %)	18,77***
Вред здоровью	25 (21 %)	50 (45 %)	13,80***
Дисциплина	12 (10 %)	34 (31 %)	13,71***
Психологическое	51 (43 %)	82 (75 %)	21,13***
Угрозы	21 (18 %)	47 (43 %)	15,43***
Унижения	43 (37 %)	79 (72 %)	26,65***
Сексуальное	15 (13 %)	45 (41 %)	21,58***
Контактное	13 (11 %)	38 (35 %)	16,55***
Неконтактное	3 (3 %)	10 (9 %)	3,35**
Изнасилование	0 (0 %)	10 (9 %)	9,07**

¹ Уровень значимости р: . <0,1 ; * – <0,05; ** – <0,01; *** – <0,001.

Все формы и виды насилия чаще встречаются у детей из неблагополучных семей, причем в некоторых случаях в 4–6 раз (для пренебрежения физическими нуждами, неконтактного насилия дома). Исключение составляют контактное насилие дома и изнасилование. Насилие в школе в целом в 2–3 раза более распространено среди детей из неблагополучных семей. Из форм физического насилия больше всего выражено нанесение физического вреда здоровью (у 45 % детей из неблагополучных семей и 21 % – из благополучных). Из форм психологического насилия наиболее распространены угрозы (у 72 % детей из неблагополучных семей и 37 % – из благополучных). Особо следует отметить высокий уровень контактного сексуального насилия у детей из неблагополучных семей (35 %).

Заключение. Во многих исследованиях, посвященных изучению распространенности издевательств среди учащихся, мы видим, что высокий процент детей подвергались насилию в школе. Доля учащихся-жертв составляет 30–50 % в Австралии, 8–40 % в Италии, 4–36 % в Англии, 15–30 % в Греции, 20–22 % в Португалии, 21 % в Канаде и 10 % в США (Piskin, 2006).

По данным нашего исследования, до половины всех детей подвергаются насилию в школе и дома.

Зачастую педагоги и родители рассматривают физические наказания как необходимое и эффективное средство контроля детского поведения.

Не редки в школе и случаи психологического насилия, такие как оскорбления, распространение слухов, издевательства, крики. Чаще всего это происходит при посторонних, из-за чего ребенку наносится более тяжелая травма.

Среди насильственных форм организации образовательной ситуации выделяют также подавление педагогом инициативы учеников, наказание за «неправильный» ответ, некорректные указания педагога по поводу внешнего вида, манеры разговаривать детей, прерывание речи учащихся, привилегированное отношение к «заискивающим» учащимся. К формам психологического насилия со стороны педагога следует также отнести и интонацию, с которой го-

ворит педагог. Иногда можно и самые безобидные, нейтральные слова произнести таким тоном, что они заставят содрогнуться и будут звучать жестче и более пугающе, чем «обычные» оскорбительные слова и крик.

Исследования школьного насилия, как правило, фокусируются вокруг вопросов оценки распространенности насилия, предикторов насильственного и виктимного поведения, оценки влияния факторов среды и социального окружения. Можно выделить ряд факторов, провоцирующих школьное насилие: 1) развитие и функционирование школы напрямую зависит от экономических, политических, социальных, культурных традиций и тенденций развития общества: если в обществе насилие становится обыденной реальностью, то это неизбежно проецируется на школу, а школа, в свою очередь, транслирует все социальные угрозы на детей; 2) наличие в школе определенной «политической» системы, включающей агрессивные взаимоотношения внутри педагогического коллектива, в том числе авторитарно-директивный стиль управления и отсутствие обоснованной системы педагогических и профессиональных требований, закрепляет социальные роли полноправного диктатора и бесправного подчиненного, жертвы и насильника и в отношениях педагогов друг с другом, и в отношениях педагогов с детьми, и в отношениях детей друг с другом; 3) общий психоэмоциональный фон школы характеризуется высоким уровнем тревожности и учителей, и учеников в совокупности с их неумением контролировать собственные эмоции и регулировать свои эмоциональные состояния.

Указанные причины, несомненно, вносят значительный вклад в проблему школьного насилия, при этом многие авторы подчеркивают обусловленность школьного насилия особенностями семьи и семейных отношений ребенка.

Семья, отношения родителей и детей могут выступать в качестве положительного, конструктивного или деструктивного фактора развития ребенка. Забота, внимание, любовь и ласка родителей по отношению к детям сами по себе не обеспечивают полноценного развития личности ребенка. Позитивное влияние поддержки семьи

возможно только тогда, когда эти отношения не подавляют активности ребенка, не блокируют развитие у него механизмов ответственного поведения, а напротив, способствуют развитию разумной самостоятельности, активности в личностном выборе и ответственности за этот выбор. От того, какая система отношений с родителями сложилась у детей, какие способы отношения к достижениям, трудностям, проблемам существуют в семье, зависит то, каким образом ребенок будет вести себя в той или иной ситуации и в жизни в целом.

Результаты нашего исследования показывают, что около половины детей растут в семьях, где конфликтность отношений достигает порога опасности для жизни и здоровья членов семьи. Ежедневно повторяющиеся скандалы и драки в семье, свидетелем которых (а иногда и участником) является ребенок, по сути, создают собственные правила и традиции человеческих отношений в целом. Эти правила не всегда осознаются взрослыми и детьми, не всегда могут быть четко определены, названы и иметь явное выражение, но присутствуют в любой семье, и их влияние на самочувствие и благополучие членов семьи (и особенно детей) является серьезным и глубоким.

Семья традиционно понимается как источник эмоциональной поддержки, понимания, любви и защиты для человека. Однако большинство проблем детей связаны прежде всего с проблемами семьи. В кризисных условиях семья не

готова взять полную ответственность за воспитание детей, т.к. экономическая ситуация заставляет родителей искать источники существования, а не заниматься вопросами воспитания детей в семье. В этой ситуации неустойчивые семьи стали более нестабильными и деградируют, фактически бросая детей на произвол судьбы. Многие родители сегодня не знают, как вести себя с собственным ребенком, демонстрируя различные, порой полярные типы деструктивного взаимодействия с ним. С одной стороны, многие родители предоставляют детям полную свободу действий, практически устраняясь от процесса воспитания, с другой – стремятся к тотальной опеке и контролю детского поведения, постоянно и порой жестоко наказывают ребенка за любое нарушение установленных обществом или ими самими правил поведения.

Насильственное влияние особенно ощущается в семьях, где родители злоупотребляют алкоголем и принимают наркотики. Жизнь таких семей характеризуется непостоянством и непредсказуемостью, а отношения между членами – ригидностью и деспотичностью. Жизнь детей в подобной семейной атмосфере становится невыносимой, превращает их в социальных сирот при живых родителях.

Модели насильственного поведения, несомненно, формируются в семье, а затем переносятся в школьную ситуацию, отношения среди детей.

Библиографический список

1. Алмазов Б.Н. Психологическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. 151 с.
2. Берталанфи Л.Ф. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сб. переводов / под ред. В.В. Садовского, Э. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
3. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций: учеб. пособие. М.: Российское педагогическое агенство, 1998. 263 с.
4. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психиатра: кн. для учителей и родителей. М.: Просвещение, 1988. 207 с.
5. Возможности использования опросника ICAST-C в условиях российской действительности / Е.Н. Волкова [и др.] // Научное мнение. 2012. № 12. С. 115–122.
6. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опросника молодежи // Социальная психология и общество. 2021. Т 12, № 2. С. 166–182.

7. Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2011. 176 с.
8. Карабанова О.А. Психология семейных отношений. Самара: Изд-во СИОКПП, 2001. 122 с.
9. Олиференко Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 256 с.
10. Платонова Н.М., Платонов Ю.П. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации: учеб. пособие для вузов. СПб.: Речь, 2004. 153 с.
11. Торохтий В.С. Психология социальной работы с семьей: монография. М.: Центр социальной педагогики, 1996. 218 с.
12. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики (изд. 3-е, испр. и доп.). М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 208 с.
13. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
14. Vacchini E., Esposito G., Affuso G. School experience and school bullying // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19. P. 17–32.
15. Baldry A. Bullying in schools and exposure to domestic violence // *Child Abuse & Neglect*. 2003. Vol. 27 (7). P. 713–732.
16. Baldry A.C., Farrington D.P. Brief report: Types of bullying among Italian school children // *Journal of Adolescence*. 1999. Vol. 22 (3). P. 423–426.
17. Barboza G.E. et al. Individual characteristics and the multiple contexts of adolescent bullying: An ecological perspective // *Journal of Youth and Adolescence*. 2009. Vol. 38. P. 101–121.
18. Due P., Holstein B., Lynch J.E. Bullying and symptoms among school-aged children: international comparative cross sectional study in 28 countries // *European Journal of Public Health*. 2005. Vol. 15 (2). P. 128–132.
19. Espelage D.L., Swearer S.M. A social-ecological model for bullying prevention and intervention: Understanding the impact of adults in the social ecology of youngsters. In: B.S. Jimerson, S. Swearer, & E.D. (Eds.), *Handbook of bullying in schools: An international perspective*. New York: Routledge, 2010. P. 61–72.
20. Espelage D.L., Rao M.A., de la Rue L. Current research on school-based bullying: A social-ecological perspective // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 2013. Vol. 22 (1). P. 21–27.
21. Ferguson C.J., San Miguel C., Hartley R.D. A multivariate analysis of youth violence and aggression: The influence of family, peers, depression, and media violence // *The Journal of Pediatrics*. 2009. Vol. 155 (6). P. 904–908.
22. Pepler D. et al. Developmental trajectories of bullying and associated factors // *Child Development*. 2008. Vol. 79 (2). P. 325–338.
23. Valkenburg P., Peter J. Online communication among adolescents: an integrated model of its attraction, opportunities, and risks // *Journal of Adolescent Health*. 2011. № 48 (2). P. 121–7.
24. Ybarra M., Mitchell K., Korchmaros J. National trends in exposure to and experiences of violence on the Internet among children // *Pediatrics*. 2011. Vol. 128. P. 1376–1386.

THE IMPACT OF A FAMILY SITUATION ON VIOLENCE AT SCHOOL

E.N. Volkova (Nizhny Novgorod, Russia)

L.V. Skitnevskaya (Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the relationship between the well-being of the family and various forms of violence against a child at school (psychological, physical, sexual violence). The study involved 227 adolescents (131 girls, 96 boys) aged 11 to 18 years. Although in the mass consciousness, well-being is usually associated with the presence of both parents in a family, the data call this statement into question. A big role is played by the family environment: the presence of alcohol or drug addiction in among family members, shouting, fighting, threats.

The purpose of the article is to provide the results of an empirical study that allows us to identify the relationship between the family situation and the level of violence that a child faces at school.

Research methods. The ICAST-C (International child abuse screening tool – children version) questionnaire was used as part of this study.

Research results. Children from disadvantaged families are 2–6 times more likely (depending on the type and form of violence) to suffer from violence at school than children from well-off families. This may be due to the fact that children transfer behavioral patterns and social roles fixed in the family to school.

Conclusion. According to our research, up to half of all children are exposed to violence at school and at home. Violence at school, in general, is 2–3 times more common among children from disadvantaged families. Teachers and parents often consider physical punishment as a necessary and effective means of controlling children's behavior. Cases of psychological violence, such as insults, spreading rumors, bullying, and shouting, are not uncommon at school. A number of factors that provoke school violence can be identified: the functioning of the school directly depends on economic, political, social, cultural traditions and trends in the development of society; the presence of an authoritarian and directive management style in school; the general psycho-emotional background of school is characterized by a high level of anxiety of both teachers and students.

These reasons undoubtedly make a significant contribution to the problem of school violence, while school violence is conditioned by the peculiarities of the child's family and family relations. Patterns of violent behavior are undoubtedly formed in the family, and then transferred to the school situation, to relationships among children.

Keywords: *school violence, family situation, child abuse and neglect.*

Volkova Elena N. – DSc (Psychology), Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Nizhny Novgorod, Russia); e-mail: envolkova@yandex.ru

Skitnevskaya Larisa V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Social and Organizational Psychology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Nizhny Novgorod, Russia); e-mail: l.skitnevskaya@yandex.ru

References

1. Almazov B.N. Psychological environmental maladjustment of minors. Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1986. 151 p.
2. Bertalanfi L.f. General systems theory – a critical review. In Sadovskii V.V., Yudin E. (ed.), Research on General systems theory: Collection of translations. Moscow: Progress, 1969. P. 23–82.
3. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. Psychology of life situations. Manual. Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1998. 263 p.
4. Buyanov M.I. A child from a dysfunctional family: notes of a child psychiatrist: a book for teachers and parents. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 207 p.
5. Volkova E.N. et al. Opportunities of application of the ICAST-C questionnaire in the Russian reality // Nauchnoe mnenie (Scientific View). 2012. No. 12. P. 115–122.

6. Volkova E.N., Volkova I.V., Isaeva O.M. Assessment of the prevalence of violence in Russia using a retrospective youth questionnaire // *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo (Social Psychology and Society)*. 2021. Vol. 12 (2). P. 166–182.
7. Druzhinin V.N. *Psychology of family*. Saint-Petersburg: Piter, 2011. 176 p.
8. Karabanova O.A. *Psychology of family relations*. Samara: SIOKPP, 2001. 122 p.
9. Oliferenko L.Ya. *Socio-pedagogical support for children at risk*. Moscow: Akademia, 2008. 256 p.
10. Platonova N.M., Platonov Yu.P. *Domestic violence: characteristics of psychological rehabilitation*. Saint-Petersburg: Rech, 2004. 153 p.
11. Torokhtiy V.S. *Psychology of social work with family*. Moscow: Tsentr sotsialnoy pedagogiki, 1996. 218 p.
12. Chernikov A.V. *Systemic family therapy: Integrative model for diagnosis*. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2001. 208 p.
13. Eidemiller E.G., Yustitskis V. *Psychology and psychotherapy of family*. St. Petersburg: Piter, 2008. 672 p.
14. Bacchini E., Esposito G., Affuso G. School experience and school bullying // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19. P. 17–32.
15. Baldry A. Bullying in schools and exposure to domestic violence // *Child Abuse & Neglect*. 2003. Vol. 27 (7). P. 713–732.
16. Baldry A.C., Farrington D.P. Brief report: Types of bullying among Italian school children // *Journal of Adolescence*. 1999. Vol. 22 (3). P. 423–426.
17. Barboza G.E. et al. Individual characteristics and the multiple contexts of adolescent bullying: An ecological perspective // *Journal of Youth and Adolescence*. 2009. Vol. 38. P. 101–121.
18. Due P., Holstein B., Lynch J.E. Bullying and symptoms among school-aged children: international comparative cross sectional study in 28 countries // *European Journal of Public Health*. 2005. Vol. 15 (2). P. 128–132.
19. Espelage D.L., Swearer S.M. A social-ecological model for bullying prevention and intervention: Understanding the impact of adults in the social ecology of youngsters. In: B.S. Jimerson, S. Swearer, & E.D. (Eds.), *Handbook of bullying in schools: An international perspective*. New York: Routledge. 2010. P. 61–72.
20. Espelage D.L., Rao M.A., de la Rue L. Current research on school-based bullying: A social-ecological perspective // *Journal of Social Distress and the Homeless*. 2013. Vol. 22 (1). P. 21–27.
21. Ferguson C.J., San Miguel C., Hartley R.D. A multivariate analysis of youth violence and aggression: The influence of family, peers, depression, and media violence // *The Journal of Pediatrics*. 2009. Vol. 155 (6). P. 904–908.
22. Pepler D. et al. Developmental trajectories of bullying and associated factors // *Child Development*. 2008. Vol. 79 (2). P. 325–338.
23. Valkenburg P., Peter J. Online communication among adolescents: an integrated model of its attraction, opportunities, and risks // *Journal of Adolescent Health*. 2011. No. 48 (2). P. 121–7.
24. Ybarra M., Mitchell K., Korchmaros J. National trends in exposure to and experiences of violence on the Internet among children // *Pediatrics*. 2011. Vol. 128. P. 1376–1386.